

Л. С. Перепелкин, Т. О. Размустова.

Культурная политика и культурное разнообразие в современной России¹

Как и другие страны мира, Российская Федерация последовательно включается в систему глобального экономического, политического, информационного и культурного обмена. Известно, однако, что процесс глобализации, предоставляя каждой отдельной стране несомненные преимущества, несет определенные угрозы для эндемичных культур. Это связано с тем, что по информационным и культурным каналам (пресса, телевидение, кинематограф, радио, компьютерная сеть и т.д.) распространяются более престижные паттерны культуры, продуцированные странами-лидерами в области экономики и политики.

И на теоретическом уровне (научные школы культурного релятивизма и культурного плюрализма), и на практическом (целый ряд международных правовых документов) подобная ситуация не считается целесообразной. Дело в том, что культурное многообразие было и остается основой выживания всего человечества в изменяющихся условиях. Ведь никто не знает, какой опыт какой именно из культур будет способствовать в дальнейшем существованию и выживанию вида *Homo Sapiens*.

Вызовы глобализации

Захлестнувшая мир волна терроризма (или, по С.Хантингтону, «столкновения цивилизаций») в значительной своей части есть реакция на развивающуюся культурную унификацию.

Российская Федерация в этом отношении находится в особой ситуации. В стране сохранилось более полутора сотен различных этнических и этнокультурных групп, среди населения представлены носители основных мировых конфессий. Существует множество локальных культур, сформировавшихся в конкретном природном и социальном окружении. Культурные очаги наиболее крупных этнических групп имеют территориальную автономию, остальные могут воспользоваться правом на автономию культурную. В целом народы страны сохранили даже в условиях

¹ Настоящая статья представляет собой сокращенный текст доклада «Культурная политика и культурное разнообразие в современной России», подготовленного авторами – сотрудниками Российского института культурологи в 2002 г. для Совета Европы в рамках Международного проекта по культурному разнообразию. Полный текст доклада опубликован в «Ориентирах культурной политики» (2003, вып. 6), издаваемых Главным информационно-вычислительным центром Министерства культуры РФ.

индустриального общества культурное своеобразие, хотя трудно не замечать развивающиеся процессы культурного синтеза.

Основная специфика России заключается, прежде всего, в том, что все группы населения в той или иной степени вовлечены в русскую культуру, поскольку в стране широко распространено национально-русское двуязычие. Соответственно именно русская культура является основным транслятором культурной унификации для других народов Российской Федерации. В этой связи актуальны две основные проблемы. Первая – опасность русификации этнических меньшинств, а, следовательно, исчезновения многочисленных «туземных» культур, богатством которых Россия по праву может гордиться. Вторая – угроза унификации («глобализации») общей для всех русской культуры. Понятно, что в результате будут трансформироваться и культуры этнических и религиозных меньшинств.

Нынешнее российское руководство, исходя из признанных международных норм, проводит политику культурного плюрализма в том, что касается многочисленных нерусских народов страны. Часть из них сохраняет свою этнокультурную самобытность в рамках федеративной системы, другие (и особенно диаспоры) имеют возможность воспользоваться правом на культурную автономию. Понятно, что любая политика подобного рода не может быть совершенной. Она базируется, в числе прочего, и на реальных финансовых возможностях государства. Но главным здесь, все-таки, выступает система провозглашенных и утвержденных на законодательном уровне ориентиров.

Вместе с тем, пока не купирована вторая из перечисленных выше проблем, а именно, угроза унификации самой русской культуры. Эта проблема не ставится ни на идеологическом, ни на программном, ни на законодательном уровнях. Официально этой проблемы как бы вообще не существует. В то время как в других странах (например, во Франции) распространяемые СМИ культурные образцы, имеющие иностранное происхождение, строго дозируются. Вопрос заключается не в стремлении к культурной изоляции, а в необходимости сохранить собственное своеобразие. Совершенно очевидно, что культурная политика подобного рода пока не может опираться на международные нормы, однако может использовать опыт тех или иных стран. В результате возможны органичные межкультурные заимствования, не разрушающие, а укрепляющие ткань универсума локальных культур. Современная государственная культурная политика стоит перед необходимостью найти правильный курс между Сциллой универсализации и Харибдой культурной изоляции.

Старые и новые меньшинства

Россия – страна чрезвычайного культурного разнообразия. Достаточно сказать, что в ходе предпоследней из проведенных переписей (1989 г.) в стране было зафиксировано около 130 этнических групп, а последовавшая за ней промежуточная перепись (1994 г.) учла уже более 140 этнических групп. Этот рост связан с изменением системы учета: в результате большего внимания к теме культурного плюрализма в переписные листы были введены наименования этнических групп, которые ранее переписью не учитывались. Последняя перепись (2002 г.) еще более обогатила палитру этнического разнообразия страны, выделив около 180 этнических групп. При бесспорном доминировании в составе населения русского народа (более 80%) и хорошей адаптированности меньшинств к русской культуре и языку (русским языком как вторым владеет подавляющее большинство представителей меньшинств), огромная часть народов страны вполне сохранила основы своей национальной культуры.

Богатство *этнолингвистического* разнообразия страны демонстрирует тот факт, что здесь представлены три крупнейшие языковые семьи: индоевропейская, уральская и алтайская. Из числа более мелких семей языков в России распространены: кавказская, эскимосско-алеутская, палеоазиатская, а также язык енисейских кетов, не принадлежащий ни к одной из известных языковых семей. Значительная часть языков народов страны находится за пределами возможного общения между носителями разных языков, отсюда широкое распространение русского.

Для Российской Федерации характерно и *конфессиональное разнообразие*. Если в советские годы религиозное разнообразие России не поощрялось, то в 1990-е гг. наступил период религиозного ренессанса. Сегодня религия играет заметную роль в культурной жизни страны, формируя особый аспект культурного плюрализма. Большинство верующего населения России – православные христиане. Русские верующие (так же как и большинство проживающих на территории России украинцев и белорусов) исповедуют православие. В разных регионах России проживают небольшие группы русских – потомков отколовшихся от православия в ХУІІ в. старообрядцев («поляки» на Алтае, семейские староверы в Забайкалье и др.)

Верующие поляки и литовцы, проживающие на территории России, а также незначительный процент русских, украинцев и белорусов (как правило, горожан) являются католиками.

Различные протестантские конфессии и направления (наиболее значительные по численности среди них – баптисты-евангелисты, пятидесятники, адвентисты седьмого дня) также имеют приверженцев. На лютеран, католиков и меннонитов (последние составляют особую этноконфессиональную группу) делятся верующие российские немцы. Среди

традиционно исповедующих иудаизм верующих евреев в России много крещеных, главным образом, в православие, а также в некоторые другие христианские конфессии. Кроме евреев, иудаизм исповедует и часть татар, проживающих в Дагестане и в городах Северного Кавказа.

Народы Волго-Камья по конфессиональной принадлежности делятся на две группы: христиан и мусульман. Мусульманами были и остались до нашего времени татары (хотя среди них существует православная группа кряшен) и башкиры. Марийцы, мордва, чуваш и удмурты были обращены в православие после присоединения Поволжья к России в XVI в. Однако у многих из них оказались живучи дохристианские верования, которые переплетались с христианскими представлениями и сохранялись в духовной культуре этих народов. То же можно сказать о других народах финской языковой ветви, проживающих в северных регионах европейской части России: карелах, вепсах, ижорцах, коми, коми-пермяках, лопарях. Особенно сильны были дохристианские верования у оленеводов-лопарей (саами). Принятие православия коренными народами Севера, по большей мере, осталось чисто номинальным. Шаманизм, охотничьи и природные культы сохраняют свою роль в жизни этих народов и по сей день.

В большинстве автономий Северного Кавказа, в Дагестане, Татарской и Башкирской республиках господствующей религией является ислам. В целом численность народов, традиционно исповедующих ислам, достигает 11-12 млн. чел. Большая часть осетин Северной Осетии исповедует православие, но есть группа осетин-мусульман (дигорцы).

Буряты и калмыки традиционно исповедовали буддизм в форме ламаизма. Западные (прибайкальские) буряты до прихода русских были шаманистами. С появлением же там русской православной миссии часть их была обращена в христианство, а другие уклонились от принудительной христианизации, приняв ламаизм. Тем не менее, отголоски шаманизма можно обнаружить у некоторых групп западных бурят до сих пор. С XVII в. ламаизм стал распространяться среди народов Саяно-Алтая (в частности, в Туве); хакасы и алтайцы частично восприняли христианство. В процессе восприятия чуждых для этих народов мировых религий у них возникали новые верования, в частности, бурханизм - поклонение богу Бурхану. Западносибирские татары в древности были шаманистами, как и окружающие их коренные народы, но с XVII в. эти представления были вытеснены исламом.

В Российской Федерации велико разнообразие так называемых *«региональных культур»* или *«этнографических меньшинств»*, принадлежащих субэтническим (этнографическим) группам отдельных народов. К ним относится, например, казачество в составе русского народа; кряшены, тептяри и нагайбаки среди татар; эрзя и мокша у мордвы; мусульмане-дигорцы среди

осетин; городское казачество среди российских украинцев; тверские карелы и т.д. В советские годы на культурные отличия этих групп населения обращалось недостаточно внимания, однако в постсоветское время «региональные культуры» получили возможность для сохранения собственной самобытности использовать каналы экстерриториальной национально-культурной автономии.

В результате бурной миграционной «истории» 1990-х гг. этническая структура России значительно усложнилась, появились новые категории меньшинств и этнических диаспор.

В настоящее время миграционная активность в Российской Федерации весьма высока. Так, с 1992 по 1998 гг. в Россию переселилось 5 млн. 100 тыс. чел, из них 1 млн. 200 тыс. – беженцы и вынужденные переселенцы. Из последней цифры – почти 1 млн. дал миграционный обмен с зарубежными странами, в т. ч. 240 тыс. человек переехали в страну из-за пределов бывшего СССР. По экспертным оценкам, внутренняя миграция превосходит внешнюю в 4 раза.

Миграционный обмен со странами «ближнего зарубежья», т. е. выезд в Россию жителей стран СНГ в качестве беженцев, вынужденных переселенцев и трудовых мигрантов, представляет собой особую категорию миграционной активности. Пока здесь доминирует русское население, хотя его доля постепенно падает за счет увеличения в численности приезжих доли «титulyных» народов бывших союзных республик СССР.¹ Эта группа мигрантов переселяется хоть и в иноэтничную, но уже освоенную среду.

Говоря о *статусном* разнообразии народов России, следует учитывать, что оно непосредственно связано с тематикой культурного плюрализма, т. к. наличие определенного политического статуса (лишь в редких случаях оформленного законодательно) является весомым ресурсом для сохранения и развития национальной культуры. В этом аспекте выделяются следующие группы народов:

- русское большинство, которое не нуждается в специальных статусных средствах для сохранения своей самобытности;
- народы, обладающие разной формой территориальной автономии (республика, автономная область, автономный округ). Для поддержания своей культурной самобытности они могут использовать инфраструктуру и ресурсы одноименной автономии;
- компактно проживающие автохтонные народы, которые имеют возможность для поддержания своей культурной самобытности использовать экстерриториальную национально-культурную автономию, а также средства местного самоуправления;

¹ В 1993 г. русские составляли 67% нетто-миграции, к 2000 г. – менее 60 %.

- диаспоризированные группы народов – субъектов территориальных автономий, которые обладают возможностью опираться на культурные ресурсы соответствующих республик и использовать право на государственную поддержку соответствующих экстерриториальных национально-культурных автономий;
- другие категории меньшинств, имеющих гражданство страны (эта группа обладает правом на государственную поддержку национально-культурной экстерриториальной автономии);
- так называемые «народы, ведущие традиционный образ жизни» обладают особым статусом и пользуются особыми льготами не только в культурной, но и в экономической сферах;
- мигрантские группы, не обладающие российским гражданством (эта категория меньшинств обладает правом на культурную автономию, но не может претендовать на государственную поддержку в этой области).

Культурный плюрализм в Российской Федерации опирается на *исторически сложившиеся особенности развития этнических групп*. Большинство народов, проживающих в стране, являются «коренными», т.е. они складывались на территории их нынешнего проживания, связаны с ней исторически и культурно. Это отличает Россию от многих переселенческих стран (США, Канада, Австралия и т.д.). Кроме того, этнические группы России имеют разнообразный характер, представляя собой несколько отчетливо выделяемых типов. Из этого следует необходимость развития в стране территориальной автономии по этническому признаку.

Российский федерализм опирается также на факт анклавного проживания этнических групп: при масштабных миграционных процессах в советское и «постсоветское» время большинство народов сохранило в местах своего исторического проживания самовоспроизводящиеся «этнические ядра», т.е. центры развития собственной национальной культуры.

Вместе с тем, для России характерна высокая степень *культурной интеграции*: большинство народов страны одинаково хорошо ориентируются в русской и национальной культуре и являются дву- или многоязычными. В этих условиях возникновение нетрадиционных для страны или отдельных ее регионов диаспор является весомым фактором, провоцирующим возникновение этно- и мигрантофобий. Возрастает потребность в экстерриториальной национально-культурной автономии.

Национально-культурная политика

В первые годы существования СССР национально-культурная политика носила достаточно стихийный характер, что выразилось как в провозглашении федерализма на этнической почве, так и в прецедентах территориальной и

экстерриториальной национально-культурной автономии (даже вопреки идеологическим догмам предшествующего периода). Короткий период демократии в 1917 г. ознаменовался попытками воплощения в жизнь национально-персональной (национально-культурной) автономии.

Национально-государственное строительство на рубеже 1920-1930-х гг. охватило широкий круг народов, имело достаточно гибкие формы территориальной автономии с тем, чтобы учесть разнообразные национально-культурные потребности. Так, для ряда малых народов и этнических групп были созданы национальные районы. По данным на июль 1934 г., из 2443 районов, имевшихся в СССР, 240, т.е. практически каждый десятый, считались национальными. Треть из них была русскими (в автономиях), 20% – украинскими, 10% – татарскими, а в Дагестане все районы были национальными. Из 62824 сельсоветов 5300 (примерно каждый двенадцатый) также были национальными. По существу, развивались территориальные формы национально-культурной автономии. Существовали также и ее экстерриториальные формы в виде национальных издательств, периодики, театров, школ и т.д. И хотя к концу этого периода административная централизация страны была по существу завершена, национально-государственное и национально-культурное строительство еще какое-то время продолжалось под влиянием инерции первых послереволюционных лет. Значительный акцент делался на развитии национальных культур, языков и письменности и крупных, и малых народов страны. При этом письменность некоторых народов, пользовавшихся арабской графикой, была сначала переведена на латиницу, а затем на кириллицу. При этом ряд малых народов, для которых письменность была создана в начале 1930-х гг., к концу этого десятилетия ее утратили (белуджи, вепсы, ижорцы, ительмены, саами, удэгейцы, шорцы, шугнанцы, цахуры).

Некоторые малые народы России до сих пор в качестве литературных языков пользуются языками других национальностей. Так, среди народов Севера и Сибири русским языком как литературным пользуются: алеуты, алюторцы, ительмены, кеты, нганасане, негидальцы, ороки, орочи, саамы, тофалары, удэгейцы, ульчи, чулымцы, энцы, юкагиры; русским и татарским – барабинцы, камасинцы; русским и якутским – долгане; русским и чукотским – керекти.

Многие малые народы Кавказа пользуются в качестве литературных неродными языками: русским – айсоры; русским и лезгинским – агулы; русским и аварским – андийцы, арчинцы, ахвахцы, булгулалы, бежетины, ботлихцы, гинухцы, гунзибцы, годоберинцы, дидойцы, каратины, таты, тиндинцы, хваршинцы, чамалинцы; грузинским – бацбийцы; грузинским и азербайджанским – удины; азербайджанским – будухцы, крызы, хиналугцы.

Малочисленные народы Европейской России (вепсы, ижорцы) пользуются в качестве литературного также русским языком.

С конца 1930-х гг., т.е. после окончательного утверждения полной централизации в государственном управлении, национальная и национально-культурная политика приобрела определенный ассимиляторский оттенок. Функционирование национальных языков и национально-культурных институтов с конца 1930-х гг. неуклонно сокращалось. Отсутствие понятия экстерриториальной культурной автономии вело к русификации дисперсных групп многих народов, причем процессы русификации развивались и собственно в автономиях.

Национально-государственные процессы в годы советской власти привели к созданию на территории Российской Федерации системы национальных квази-государств (автономий). Этот процесс имел конечным результатом формирование наций – специфической для индустриального общества формы этнических общностей (народов).

В то же время национальные процессы у народов Российской Федерации были тесно связаны с экономическими (индустриализация). Еще в 1923 г.¹ центральные власти начали экономическое воздействие на отсталые в своем развитии народы. Оно осуществлялось в форме финансовых перераспределений и строительства в аграрных районах промышленных объектов. Промышленная экспансия вела к миграции на новые территории некоренного (преимущественно русского) населения, к усложнению этнодемографической структуры Российской Федерации. Большой проблемой являлось отсутствие до 1990-х гг. практики национально-культурной автономии для диаспоризированных групп меньшинств.

В целом следует сказать, что к концу советского периода национально-культурная жизнь сосредоточилась исключительно в рамках территориальных автономий, хотя можно признать, что для ее функционирования была создана разветвленная система соответствующих учреждений.

В годы «перестройки» и позднее со всей очевидностью проявились результаты национально-культурной политики предшествующего периода. С одной стороны, ослабление централизованного управления привело к созданию национально-политических партий и движений, к активизации национально-политических процессов, зачастую выражавшихся в конфликтной форме. С другой стороны, что было не так заметно, в этих условиях начался интенсивный процесс самоорганизации народов, меньшинств, этнических групп с целью достижения культурной автономии. Так, уже на начало 1990-х гг. статистика зафиксировала 269 объединений национально-культурного профиля,

¹ XII съезд РКП

создававшихся практически всеми народами страны, а во второй половине этой декады таких объединений, по неполным данным Министерства культуры РФ, было более 420.

Основные виды деятельности *национально-культурных объединений и центров*:

- художественная самодеятельность, организация театральной и концертной деятельности. Этой работой занимаются более 58% всех национально-культурных организаций;
- организация библиотек национальной литературы и фонотек (почти 47%);
- создание курсов по изучению национального языка (43%);
- научно-популяризаторская, просветительская и культурная деятельность (35%);
- создание дополнительной к государственной сети образовательных и воспитательных учреждений (28%);
- музейно-выставочная работа (25%);
- социально-экономическая (производственная, коммерческая и проч.) деятельность (более 16%);
- создание печатного органа для меньшинств и других средств массовой информации (14%).

Как видно из вышеприведенных подсчетов, важнейшие задачи членов этих объединений находятся прежде всего в сфере национальной культуры и языка.

В особой ситуации находятся этнические меньшинства крупных городов, живущие в иноэтничной урбанизированной среде. Эта проблема может быть рассмотрена на примере Москвы с использованием данных статистики и социологических опросов. Москва – более чем на 90% русский город, так что проблема сохранения культурного плюрализма здесь может быть разрешена только на пути развития экстерриториальной национально-культурной автономии.

В целом эта деятельность обеспечивает чисто культурные потребности москвичей: 58% подобного рода объединений ориентированы на развитие художественной самодеятельности и национальных театров; 47% – на создание собственных библиотек и фонотек; 43% – на открытие курсов национального языка; 35% – на культурно-просветительную деятельность; 28% – на создание национальных школ.

Этнополитическая ситуация, сложившаяся в московском регионе, отличается ярко выраженной спецификой. Именно поэтому в столице создаются определенные городские структуры, целенаправленно занимающиеся местными национальными проблемами. Особое внимание этому вопросу уделяет

правительство Москвы, в структуре которого есть Комитет по связям с региональными организациями. Серьезное внимание проблемам межнациональных отношений в городе уделяют руководители комитетов и отделов Городской и Государственной дум, московские ученые и журналисты.

Однако деятельность создающихся национально-культурных объединений все-таки сталкивается с трудностями. Так, лучше подготовленными к экстерриториальной культурной автономии оказались уже «укорененные» в Москве меньшинства, нежели вновь формирующиеся диаспоры. Заметная часть вновь зарегистрированных национально-культурных объединений так и не переходит к своей уставной деятельности. Большая часть этнических меньшинств Москвы создает несколько национально-культурных объединений, конкурирующих за скромные ресурсы, которые может выделить государство. Это связано с определенными недоработками Закона о национально-культурной автономии, и прежде всего его организационного аспекта (процедура регистрации). Так, армяне имеют свои автономии в 7 городских округах, корейцы – в 5, евреи – в 4, татарское меньшинство – в 3 московских округах.

Определенным компромиссным выходом из создавшихся противоречивых условий городское правительство посчитало строительство Московского Дома Национальностей, воспользоваться услугами которого могли бы все зарегистрированные национально-культурные общества, объединения, автономии. Ныне этот Дом обладает следующей инфраструктурой для удовлетворения культурных потребностей московских меньшинств: культурно-образовательный Центр, киноконцертный и выставочный залы, библиотека литературы на национальных языках, Центр региональных межнациональных связей и правовой защиты, информационно-аналитический Центр, издательский центр (редакция национальных СМИ), общественно-деловой Центр, Центр технического и делового обеспечения и т.д. Понятно, что не все регионы страны имеют такие возможности для обеспечения политики культурного плюрализма.

Культурная политика и культурное разнообразие

В настоящее время в РФ в полной мере сохранилась инфраструктура культурного плюрализма (национальные школы, театры, книгоиздание, СМИ и т.д.), созданная к началу 1990-х гг. применительно к советской федеративной системе и существовавшей концепции национальной политики.

Достаточно сказать, подтверждая тезис о преемственности, что в начале 1990-х гг. 90,9% наименований книг и брошюр, 92,6% наименований журналов и других периодических изданий и 93,4% наименований газет выпускались на русском языке. В середине прошлого десятилетия соответствующие доли составляли 92,1, 93,8 и 92,7%. Столь незначительные перемены объяснялись

двумя причинами: во-первых, недостатком финансовых средств для создания соответствующей инфраструктуры воспроизводства и распространения образцов национальной культуры, а во-вторых, акцентом на электронные СМИ (радио и телевидение), которые имеют более широкий охват аудитории.

Приобщение к национальной культуре начинается с дошкольного возраста. Однако в Российской Федерации даже в национальных республиках *дошкольные детские учреждения*, работающие на национальных языках, пока в меньшинстве. Так, в Башкирии их число немногим превышает 5% от общей численности дошкольных детских учреждений, в Бурятии – более 8%, в Дагестане – около 23%, в Кабардино-Балкарии – 12%, в Коми – около 8%, в Марий-Эл – около 9%, в Мордовии – более 4%, в Осетии – почти 14%, в Татарии – более 12%, в Туве – 43%, в Удмуртии – 6%, в Чувашии – около 16%, в Якутии – почти 30%. В Калмыкии и Карелии подобных дошкольных учреждений практически нет.

В целом в дошкольных учреждениях работа ведется на следующих языках народов России, кроме русского: аварском, адыгейском, алтайском, башкирском, бурятском, даргинском, кабардинском, коми, коми-пермяцком, кумыкском, лезгинском, марийском, мордовском, осетинском, татарском, тувинском, удмуртском, чеченском, чувашском, якутском.

Следующей ступенью формирования этнокультурной самобытности является *национальная школа*. В настоящее время приблизительно 98% всех детей обучаются в школах с преподаванием на русском языке, вместе с тем, в стране работает около 7 тыс. национальных школ, или приблизительно 10% от общего их количества. В части национальных школ (более 60%) обучение на родных языках ведется только в младших классах, а в остальных национальных школах на этих языках преподается весь курс обучения. В республиканских школах родные языки и литература нередко изучаются также как отдельный предмет, а все остальные предметы преподаются на русском.

Дошкольное и школьное обучение на национальных языках сильно зависит от доли коренного населения в составе жителей республики. Так, доля школьников, обучающихся на родном языке или изучающих его как предмет, составляет: в Башкирии и Бурятии – около 18%, в Дагестане – более 52%, в Кабардино-Балкарии – 62%, в Калмыкии – 47%, в Карелии – 0,4%, в Коми – почти 11%, в Марий-Эл – более 26%, в Мордовии – 16%, в Осетии почти – 55%, в Татарии более – 45%, в Туве – 75%, в Удмуртии – 11%, в Чувашии – 31%, в Якутии – 27%. Но есть и другие причины столь умеренного распространения национальных языков в школьной практике.

Одна из них связана с недостатком учебников и преподавателей, работающих на национальных языках: в советское время педагогические вузы выпускали мало специалистов соответствующего профиля. Так, в середине

1990-х гг. число преподавателей родного (нерусского) языка составляло около 17 тыс. человек, при этом существовало 0,5 тыс. вакансий.

Зачастую сами родители намеренно отдают детей в русские школы, т.к., во-первых, образование в них традиционно более качественное, а во-вторых, хорошее знание русского языка и культуры необходимо для возможностей карьерного роста в пределах всей России. Опыт российских республик, провозгласивших в 1990-е гг. суверенитет (например, Татарстана), показывает, что формирование системы адекватного школьного образования – весьма непростая задача. Кроме того, в российских условиях это неизбежно ведет к сегрегации учащихся по национальному критерию.

Трудно переоценить роль *электронных СМИ* в поддержания национальной культурной среды. Сегодня в республиках РФ радиовещание ведется на 53-х, кроме русского, языках.

Несколько меньше перечень языков телевидения по местным каналам – 34 языка.

Языковая структура *книжного фонда* в массовых библиотеках примерно соответствует языковой компетенции российских народов и принятым нормам книгоиздания: в нем содержится книг на русском языке – 98%, на языках коренных национальностей российских автономий – 1,3%, на иностранных языках – 0,7% книг.

Книгоиздательская деятельность осуществляется практически на всех языках народов России, за исключением языков некоторых совсем уж малочисленных народов (вепсы, ижорцы, агулы, цахуры и проч.). Это относится также к изданию газет и журналов на родных языках. Естественно, что тиражи русскоязычных изданий на несколько порядков превышают тиражи книг и брошюр на других языках народов России.

Один из важнейших институтов сохранения этнической специфики народов страны и режима культурного плюрализма – *национальный театр*. Театральная жизнь в России осуществляется, помимо русского, на многих национальных языках: аварском, адыгейском, алтайском, балкарском, башкирском, бурятском, даргинском, еврейском, кабардинском, ингушском, калмыцком, карачаевском, коми, коми-пермяцком, кумыкском, лакском, лезгинском, марийском, мордовском, осетинском, татарском, тувинском, удмуртском, финском, черкесском, чеченском, чувашском, якутском.

Понятно в то же время, что институт национального театра создан лишь для наиболее крупных народов страны. В республиках зачастую существует несколько (от 1 до 5) национальных театров. Многие национальные театры работают одновременно на национальном и русском языках.

Таким образом, в Российской Федерации существует достаточно развитая сеть учреждений культуры, массовой информации и образования, которые

нацелены на развитие национальной культуры и поддержание в стране культурного плюрализма. В 1990-е гг. эта инфраструктура стала пополняться в т. ч. и за счет возможностей экстерриториальной национально-культурной автономии. Важнейший вопрос заключается в том, насколько сложившаяся система удовлетворяет национально-культурным запросам граждан России и как соблюсти грань между культурным плюрализмом, с одной стороны, этническим национализмом и сепаратизмом меньшинств – с другой. Ответ на эти вопросы лежит не в области теории, а в практике национально-культурной политики.

Политика этнокультурного плюрализма в свете общественного мнения

В Российской Федерации культурная политика развивается в своеобразном контексте, который непременно необходимо учитывать. В первую очередь, это касается *противоречий в общественном мнении по поводу национально-культурных проблем страны*. Регулярные социологические опросы, проводившиеся в 1990-е гг. в разных регионах и среди многих народов России, фиксируют следующую картину.

Значительная часть российских граждан рассматривает сферу межнациональных отношений как весьма конфликтную, несущую угрозу для личной безопасности. Более того, на протяжении 1990-х гг. соответствующие оценки имели тенденцию к ухудшению. Ныне в различных регионах от 30 до 70% населения считает, что в межнациональных отношениях имеет место «определенная напряженность» или «сильная, чреватая конфликтами напряженность». От 30 до 50% населения считает, что национальные интересы недостаточно учитываются местными властями, а от 40 до 60% полагает, что национальные проблемы некорректно освещаются средствами массовой информации. Характерно, что около половины жителей страны считает для себя возможным принять участие в межнациональном конфликте «в зависимости от обстоятельств», однако подавляющее большинство (от 60 до 80%) полностью исключает для себя возможность совершения насильственных действий.

Приблизительно половина граждан (а в некоторых регионах до 80%) считает, что гармонизация межнациональных отношений может быть достигнута за счет принципа пропорционального представительства различных народов в органах государственной власти. Однако, другая половина с этим категорически не согласна. 75% жителей полагает, что правительство должно оказывать поддержку этническим меньшинствам для того, чтобы сохранить их обычаи и традиции (для сравнения, подобного мнения придерживаются 79% жителей Венгрии и только 16% – Великобритании). Соответственно, 82% россиян полагают, что «для общества будет лучше, если группы сохранят свои

особые традиции и обычаи» (в Венгрии так полагает 61% населения, в Великобритании – 20%).

Все растущая в российском обществе акцентированность на национально-культурной проблематике проявляется в выборе символов народа. С 1990-е гг. жители России все более увеличивали свой выбор в пользу таких символических категорий, как «наше прошлое, наша история», «наша земля, территория», В меньшей мере выбор останавливался на таких показателях, как «язык моего народа», «песни, праздники, обычаи», «душевные качества моего народа».

Рост внимания к религии в общественном сознании выше в старших возрастных группах. В целом же около или более половины россиян считает себя верующими людьми. Опросы показывают, что в религии ищут прежде всего нравственную опору: более половины жителей страны полагает, что «религия должна служить укреплению духовности и нравственности в обществе». При этом приблизительно равное количество людей (около 30%) считает, что «религия является фактором разобщения людей различных вероисповеданий» и «способствует снижению межнациональной напряженности».

Весьма специфично представление российских граждан о деятельности национально-культурных обществ и объединений: от 40 до 60% жителей в разных регионах затрудняются с ответом, улучшает ли их работа общий психологический климат в стране. Более того, 30-40% жителей полагает, что деятельность лидеров и активистов подобных движений отражает лишь их собственные интересы. Подобного рода дистанция отражает процесс формирования так называемой «этнической бюрократии». Лишь около 10% граждан выражают желание постоянно участвовать в деятельности национально-культурных обществ, а 30-40% вообще не стремятся к этому.

Описанный тип общественного сознания имеет все черты переходного характера. С одной стороны, граждане осознают ценность культурного плюрализма, однако с другой стороны видят в нем угрозу для общественной стабильности. Этничность играет скорее символическую роль, чем актуализирует практическую потребность в сохранении и развитии национальных языков и культур, в том числе и в рамках национально-культурной автономии. Заметен доставшийся в наследство от Советского Союза высокий уровень патерналистских ожиданий: граждане скорее склонны апеллировать к далеким ориентирам (государство, местная власть, средства массовой информации) для удовлетворения своих национально-культурных запросов.

Очевиден идеологический вакуум: исчезновение идеологием советского периода (равенство всех народов, единое для всех государство, складывание

новой исторической общности людей) заполняется возрастающим интересом к религиозной идеологии. В этом контексте проведение культурной политики, в т.ч. и в рамках национально-культурной автономии, весьма затруднительно: ценность культурного разнообразия сталкивается с опасениями распространения межэтнических конфликтов, невысокой гражданской активностью и апелляцией к государству как главному арбитру. Нынешнее состояние общественного сознания требует новой идеологической парадигмы, которая разрешила бы указанные противоречия и вывела общество из «переходного» состояния.

Другим важным контекстуальным фактором культурной политики в Российской Федерации является *региональное разнообразие страны и ее федеративное устройство*. Регионы страны существенно различаются по размерам территории, природно-климатическим условиям, характеру населения и расселения людей, экономической специализацией и по многим другим параметрам. Общегосударственная культурная политика, направленная на укрепление культурного плюрализма, в этих условиях может существовать лишь в виде общих принципов. Основной объем работы может быть перенесен на уровень субъектов Федерации, причем за федеративным государством остается функция контроля и прогноза, а также частичного финансирования культурных программ в тех регионах, где для этого нет достаточных финансовых средств.

Ситуация постепенно развивается именно в этом направлении, однако федеративная структура России, основанная на этническом принципе, нередко препятствует реализации общегосударственных принципов. Так, местные власти пока не поощряют развитие местного самоуправления, в т.ч. и на основе этнического принципа (национальные районы, сельские поселения и т.д.). Одно из немногих исключений – создание немецкого национального района на Алтае. Зачастую сложное отношение местные власти испытывают и к деятельности национально-культурных объединений, особенно если она сопряжена с выдвижением политических требований (как, например, в Кабардино-Балкарии).

Нередки случаи этнократизма, т.е. преимущественного заполнения руководящих должностей представителями коренной национальности. Вместе с тем, в отдельных национальных регионах разрабатываются, мягко говоря, недостаточно продуманные национально-культурные программы. Один из таких примеров – программа перевода татарской письменности с кириллицы на латиницу, которая будет способствовать скорее не возрождению, а деградации татарской культуры, потребует огромных финансовых затрат и поставит культурный барьер между жителями Татарстана и превосходящей их по численности татарской диаспорой. Эффективное взаимодействие органов

власти различных уровней в целях проведения согласованной культурной политики становится насущной задачей.

Важным обстоятельством проведения культурной политики является *разнообразие типов этнических групп*, о котором говорилось ранее. Каждая из этих групп имеет свои объективные потребности и возможности в национально-культурной сфере и требует для поддержания своей самобытности разных типов и объема ресурсов. Так, малочисленные северные народы нуждаются в первую очередь в территории для ведения традиционного хозяйства и в государственной поддержке социальной инфраструктуры (системы образования, здравоохранения и т.д.), а также в определенных льготах при принятии на работу и учебу.

Городские этнические диаспоры (определенная часть ее представителей) испытывает потребность в элементах национально-культурной автономии, но, по существу, в разных объемах в зависимости от места жительства (где-то есть потребность в создании национальных школ, а где-то достаточно и периодического проведения национальных праздников). В Российской Федерации не может быть единого нормативного списка «этнических услуг», которые государство обязано предоставлять своим гражданам в рамках политики культурного плюрализма. Культурная политика в нашей стране должна быть исключительно гибкой и учитывать многообразие имеющихся ситуаций. К сожалению, пока подобного рода представления еще не являются обыденными для соответствующих государственных служб.

Новый контекст проведения национально-культурной политики постоянно создают развивающиеся в стране *миграционные процессы*. Постоянно формируются новые, и зачастую нетрадиционные для регионов группы меньшинств, которые имеют право на соблюдение своих национально-культурных интересов. Особую задачу ставит перед страной внешняя миграция, в которой преимущественно принимают участие не граждане Российской Федерации. Не пользуясь возможностями государственной поддержки культурного развития и культурной самобытности, эти группы зачастую вообще «выпадают» из культуры, культурно деградируют, формируют замкнутые общины, слабо интегрированные в российское общество. В последнее время эти вопросы интенсивно обсуждаются российской общественностью. Большинство специалистов высказывает мнение о необходимости обеспечить легальный статус пребывания этих мигрантских групп на российской территории (вплоть до предоставления гражданства), что позволит распространить на них нормы законодательства о поддержке национально-культурного своеобразия и наладить работу по культурной интеграции и адаптации этих групп в России.

Наиболее важным контекстуальным фактором культурной политики является экономическое развитие страны, ведь затраты на культуру

перераспределяются из общего объема ВВП. Состояние российской экономики пока не позволяет финансировать сферу культуры в том объеме, который необходим не просто для развития, но для воспроизводства существующей культурной инфраструктуры. Данная ситуация требует развития системы внебюджетного финансирования культурных программ, а также концентрации имеющихся средств на наиболее важных участках деятельности.

Как в новых экономических и политических условиях при существующем в России идеологическом вакууме (или, по крайней мере, масштабной идеологической дистанции между различными социальными группами) совместить ценность культурного плюрализма с потребностью в стабильности и высокой степени интегрированности общества? Какое направление избрать приоритетным: развитие территориальной или экстерриториальной автономии, а может быть разработать для России смешанную модель?

Представляется, что важнейшая стратегическая задача страны в области национально-культурной политики заключается именно в выработке адекватной для России идеологии и модели дальнейшего развития. При этом должен учитываться и советский опыт, в рамках которого было сохранено культурное разнообразие страны и создана разветвленная сеть учреждений образования и культуры.

Современная культурная политика должна развивать демократический принцип культурного плюрализма. В ее рамках устойчивое культурное воспроизводство отдельных народов и меньшинств, их ценностей и традиций должно естественным образом сопрягаться с адаптацией всех российских народов к условиям жизни в стране; традиционная для Российской Федерации система территориальной автономии должна органично дополняться экстерриториальными формами культурной самодеятельности. Эта идеологическая комбинация патриотической цели, либерально-демократического содержания и консервативной формы может позволить снять указанные выше противоречия.

Другой стратегически важной задачей является развитие общей культуры как того фона, на котором только и возможно существование культурного плюрализма. К сожалению, за минувшее десятилетие общий культурный уровень в стране, и особенно культурный уровень молодежи, заметно снизился. В национально-культурной сфере это проявляется в заметном распространении националистической идеологии и возникновении соответствующих молодежных организаций. Сложность ситуации заключается в том, что снижение культурного уровня связано не только с недостаточным финансированием культурных программ, но и с самим изменением типа культуры: если ранее культура в качестве своего главного носителя имела

печатный текст, то сейчас культура все более переходит в аудиовизуальную форму. Существующая культурная политика не была готова к этим переменам. Из этого следует, что общество нуждается в квалифицированном контроле за электронными СМИ, в частности, необходимо ввести тематическое нормирование и квоту для зарубежных передач.

Нередко, однако, важнейшие политические решения не реализуются или искажаются в процессе воплощения. И дело здесь не только в недостатке необходимых средств проведения культурных программ. Во-первых, России недостает квалифицированного корпуса управленцев среднего и нижнего звена, которые бы не просто выполняли задание, а проводили государственную политику. Во-вторых, средства массовой информации нередко ведут себя безответственно, формируя у граждан предвзятое мнение в отношении тех или иных государственных решений. Формирование корпуса квалифицированных чиновников и развитие принципа политкорректности (или профессиональной этики) в средствах массовой информации – важнейшая стратегическая задача, без решения которой будет затруднительно реализовать государственную политику, в том числе и в национально-культурной области.

Приоритеты культурной политики

Выделенные стратегические направления, как и сложившаяся ситуация в области национально-культурной политики, предполагают определенную систему приоритетов, которые могут быть реализованы уже сейчас без дополнительных объемов финансирования. Большинство из них пока лежит в организационной сфере.

Необходимо поддерживать и сохранять инфраструктуру учреждений культуры, образования и искусства, которая направлена на поддержание в стране культурного плюрализма. Сказанное относится и к памятникам культурного наследия народов страны. К сожалению, пока в России нет необходимых экономических возможностей для полноценного развития культуры, но их вполне достаточно для того, чтобы сохранить уже существующую базу культурной политики.

Многообразие российских законов, регулирующих национально-культурную жизнь населения, а также противоречия между ними, предполагают кодификацию действующего законодательства. В ходе этой работы могут быть заполнены лакуны в нормативных актах и заложены основы для формирования государственной идеологии в национально-культурной сфере, а также наиболее эффективно распределены полномочия между основными субъектами культурной политики.

Система финансирования национально-культурной политики нуждается в стабильности хотя бы в тех рамках, которые были предусмотрены

законодателем. Это возможно как на пути совершенствования финансирования из бюджетов всех уровней, так и с привлечением внебюджетных средств (последнее потребует коррекции законодательства). Необходима концентрация средств на важнейших направлениях культурной политики, что потребует, во-первых, тесной координации в деятельности всех профильных ведомств, а во-вторых, развитие экспертно-аналитического подхода к национально-культурной политики.

В серьезной государственной поддержке нуждается принцип национально-культурной автономии, в уточнении – организационные моменты создания и деятельности национально-культурных организаций. На данном этапе проблема заключается не столько в государственных приоритетах, направленных на развитие культурного плюрализма в стране, сколько в том, чтобы жители сами сформулировали свои потребности и запросы в этой области. Культурное разнообразие опирается на инициативу и самоорганизацию граждан, это и является основой для проведения государственной политики в сфере культуры.

Особые приоритетные задачи связаны со сферой формирования массового сознания. В этом направлении необходимо всячески способствовать внедрению принципов профессиональной этики (политической корректности) в деятельность журналистских корпораций и изданий, освещающих национальную проблематику. Развитие толерантности по отношению к представителям других народов – это обратная сторона принципа культурного плюрализма. В связи с этим уже в школьные годы наши молодые сограждане должны иметь представление о многонациональности России и о культурных особенностях ее народов. Речь идет о создании обязательного курса «Этнография народов России» начиная с младших классов средней школы. Подобный учебник уже подготовлен, но пока не внедряется в систему среднего образования.

«Подводные камни» культурного плюрализма

Одним из выраженных примеров либерализации системы национальных отношений в Российской Федерации, по сравнению с СССР, является рост этнической номенклатуры от переписи к переписи. Достаточно сказать, что перепись 2002 г. зафиксировала около 190 этнических наименований, примерно столько же, сколько их было в 1926 г.

В 1930-1970-е гг. курс на культурно-языковую ассимиляцию привел к сокращению списка народов, учитываемых государственными органами. В 1970-е гг. говорили о «100 нациях и народах СССР». В переписи 1989 г. было учтено 126 разнообразных «этнических единиц». Микроперепись 1994 г. расширила список народов России до примерно 160 наименований.

Легко заметить, что за последние 100 лет этническая номенклатура существенно не изменилась. Описанные тенденции статистического учета отражают два параллельных явления: с одной стороны, сохранение и последующее возрождение этнокультурного и религиозного самосознания гражданами России, а с другой – изменения в государственной национальной политике. Несомненно, следует приветствовать распространение в России признанной в мире системы ценностей относительно поддержки и поощрения культурного разнообразия. Однако не следует забывать, что эта стратегия имеет весьма ответственный характер и требует каждодневного учета возникающих в связи с ней вызовов и противоречий. Само статуйрование «новых» этнических, этнокультурных и этнорелигиозных групп порождает сильнейшие трения в элитных слоях населения. Таков вялотекущий конфликт по поводу отдельного учета кряшенов (православных татар) между федеральным центром и руководством Татарстана.

Численность этнической группы – важнейший политический ресурс национальных управленческих элит, особенно в федеративном государстве. Естественнo, что вышеприведенный пример не единственный. Можно говорить также о группах казаков, поморов, тептярей и т.д. Иными словами, эти тенденции указывают на понижение степени интеграции всего российского общества под давлением достаточно абстрактных ценностных норм.

Введение национальной системы образования, и в первую очередь обособленных национальных школ, также работает на указанную выше тенденцию. Нет ничего плохого в том, чтобы дети получали знания на родном для них языке. Более того, это способствует развитию как самого языка, так и национальной культуры в целом. Однако система национальных школ в крайнем ее варианте в условиях России неизбежно ведет к сегрегации по национальному, культурному и религиозному признакам, что особенно опасно именно в детском возрасте. Понятно, что степень интеграции Российской Федерации в целом в результате значительно понижается. Необходимы поиски компромиссного варианта между введением национальных систем образования и формированием из подрастающих поколений полноценных граждан нашей страны. Пока время для этого отпущено, т.к. в большинстве известных случаев создание национальных школ буксирует из-за нехватки финансирования и кадров.

Рост национальной идентичности ставит вопрос о финансировании запросов граждан в этой сфере. Теоретически эта проблема решается на путях государственного или частного (так называемый «третий сектор») финансирования. И оба этих направления в чистом их виде далеки от оптимума. Государственное финансирование чаще всего является конкурсным, подверженным коррупции, далеким от удовлетворения реальных интересов

граждан. Частное финансирование, которое пока неразвито в стране, нередко склонно к радикализации своих задач. Достаточно сказать, что негосударственное финансирование активности в сфере исламской культуры за последние годы в заметной степени было направлено на насаждение в России фундаменталистских направлений этой конфессии. Оба случая, по разным причинам, ведут к дезинтеграции российского общества. Следовательно, необходим разумный компромисс и выверенная государственная политика.

Наконец, последний пример того, как политика этнокультурного плюрализма может привести к негативным последствиям. В России, как и во всем мире, развиваются миграционные процессы, формируются многочисленные группы городских диаспор. С одной стороны, идет процесс отторжения «принимающим населением» столь необходимых для российских городов мигрантских групп. С другой стороны, сами эти группы приезжих высказывают тенденцию «окуклиться» в своих национальных общинах и как можно меньше контактировать с остальными жителями. Крайним выражением этой тенденции может быть территориальное обособление – формирование своеобразных этнических «гарлемов», «чайна-таунов», «гетто». Пока важнейшим препятствием к этому является неразвитый в России рынок недвижимости, но времена меняются. Не исключено, что по обеим причинам может возникнуть резкое противостояние между различными группами горожан, т.н. «городская герилья», при которой говорить о каком-либо уровне социальной интеграции не приходится.

Таким образом, сам процесс роста этнокультурной и религиозной идентичности и распространения политики культурного плюрализма может иметь свою оборотную сторону в виде угрозы существенного снижения уровня социальной интеграции в России. В этом случае наша страна может превратиться в т. н. «региональное государство», каждый элемент которого живет своей самостоятельной жизнью и вступает с другими элементами в отношения преимущественно конфликтного характера. Понятно, что этот сценарий сулит «неприемлемые» потери для всех без исключения этнических групп страны, и тем не менее он вполне реалистичен. Именно с учетом этой угрозы должна быть продумана идеология национальной политики в России. Ее основными компонентами должны стать терпимость к представителям других этнических и религиозных групп; широкое просвещение населения (и особенно детей) в сфере культурно-конфессионального разнообразия народов России; дифференцированный подход к различным группам и ситуациям, складывающимся в этой сфере; прогноз развивающихся процессов.

Список использованной литературы

1. Асадуллин Ф.А. Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации. – М., 1992.
2. Всемирный доклад по культуре 2000+: Культурное разнообразие, конфликт и плюрализм. – М., 2002.
3. Илишев И.Г. Языковые права в европейском измерении: опыт государств-членов ОГСЕ. – Уфа, 2002.
4. Калинина К.В. Национальные меньшинства в России. – М., 1993.
5. Культура и культурная политика в России /Отв. ред.: И.А. Бутенко, К.Э. Разлогов. – М., 2000. (Мос. обществ. науч. фонд. Науч. докл.; № 115).
6. Культурная политика России: история и современность: Два взгляда на одну проблему /Отв. ред.: И.А. Бутенко, К.Э. Разлогов. – М., 1998.
7. Малькова В.Г. Толерантность или конфликт?: К вопросу об освещении этничности в московской прессе // Конфликт — диалог — сотрудничество. Бюллетень. – М., 2001. – № 6
8. Мастюгина Т.М., Перепёлкин Л.С. Этнология. Народы России: История и современное положение. – М., 1997.
9. Медведь А.Н., Размустова Т.О. Проблемы сохранения археологического наследия в современной России //Экология культуры: Альманах Института наследия «Территория». – М., 2000.
10. Наше творческое разнообразие: Докл. Всемир. комиссии по культуре и развитию: (Сокращ. вариант). –Париж, 1996.
11. Олкотт М.Б., Тишков В.А., Малашенко А.В. Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. – М., 1997.
12. Перепёлкин Л.С. Диалогичность культуры и культура диалога: На пути к новым политическим технологиям // Конфликт — диалог — сотрудничество. Бюллетень. – М., 2001. – № 6.
13. Размустова Т.О. Динамика моделей краеведения в России // Вестник архивиста. 2000. № 1 (55).
14. Россия федеративная: проблемы и перспективы /Отв. ред. В.Н. Иванов. – М., 2001.
15. Социальная и культурная дистанция: опыт многонациональной России / Отв. ред. Л.М. Дробижева. – М., 1998.
16. Статус малочисленных народов России (правовые аспекты и документы) / Сост. В.А. Кряшков. –М., 1994.
17. Стельмах В.Г. Национально-культурные объединения меньшинств Москвы: контакты и конфликты с большинством // Конфликт — диалог — сотрудничество. Бюллетень. –М., 2001. – № 6.
18. Стельмах В.Г. Межэтническое взаимодействие в современном мегаполисе: московские реалии // Конфликт — диалог — сотрудничество. Бюллетень. – М., 2001. – № 6
19. Сусоколов А.А. Устойчивость этноса и концепция национальных школ России. – М., 1994.
20. Тишков В.А. Народы России : Энциклопедия. М., 1994.
21. Фактор этноконфессиональной самобытности в постсоветском обществе / Отв. ред.: Олкотт М.Б., Малашенко А.В. – М., 1998.
22. Хизриева Г.А. Адаптация новых мигрантов в мегаполисе: проблемы институционализации // Конфликт — диалог — сотрудничество. Бюллетень. – М., 2001. – № 6.
23. Черкасов-Георгиевский В.Н. Москва — религиозные центры и общины. – М., 1992.

